

ЭПИГРАММЫ МАРКСА О ГЕТЕ

Публикуемые ниже эпиграммы Маркса, относящиеся к Гете и Шиллеру, по-русски печатаются впервые. По-немецки они вышли во втором полутоме международного издания собрания Маркса и Энгельса¹; они составляют часть объемистой тетради стихов, которые Маркс писал в зимний семестр 1836/37 г., будучи студентом Берлинского университета; тетрадь эту он послал отцу к пятидесятилетию со дня его рождения «как слабый знак детской любви».

Литература и искусство играли большую роль в развитии молодого Маркса. Как показывает сохранившаяся переписка Маркса с родителями, отцу его казалось, что удачное художественное произведение, написать которое он в течение ряда лет уговаривал сына, является прекрасной рекомендацией при вступлении в свет и для начала карьеры ученого или общественного деятеля. И Маркс-студент действительно, следуя указаниям своего отца, написал и сохранившуюся вышеназванную тетрадь со стихами и набросками драмы и романа и (не дошедшие до нас) три тетради стихов для своей невесты Женни фон Вестфален. Эпиграммы на Гете и Шиллера написаны еще до наступления кризиса в его развитии, когда Маркс осознал, что его предназначение не в поэтическом творчестве и оставил его. В большом письме отцу от 10 ноября 1837 г., рассказывая об этом кризисе, Маркс пишет: «В конце семестра я снова обратился к музам и их пляскам, и уже в последней тетради, посланной мною вам, идеализм пробивается через вымученный юмор (Скорпион и Феликс)², через неудачную фантастическую драму (Оуланем), пока под конец он не превращается целиком в чистое искусство формы, по большей части без вдохновляющих объектов, без высокого парения идей. И однако только в этих последних стихотворениях блеснуло мне внезапно, как бы по удару волшебной палочки—ах, удар этот вначале был уничтожающим,—царство искренней поэзии, подобно далекому дворцу фей, и все созданное мной распалось прахом».

Как в доме родителей, так и в доме своего будущего тестя фон Вестфалена молодой Маркс воспитывался на идеях французского просвещения и немецкого классического идеализма. И вот, столкнувшись, особенно в Берлине, с убогим филистерством, ханжеской религиозной ортодоксией, мещанской эпигонской литературой, плоской тупостью и реакционностью германской общественной жизни, молодой студент в ряде эпиграмм и стихов беспощадно иронизирует над узостью и ханжеством этого филистерского мира и жестоко издевается над ним. Мишенью для своих сатирических стрел он выбрал между прочим отрицательное отношение к Гете, которое было широко распространено в кругах консервативного мещанства, особенно в 20—30-х гг.; это отношение поощрялось реакционными и церковными кругами, видевшими в Гете великого отступника от религии, «язычника», портящего своими произведениями нравы, проповедника «аморализма», либертинажа, всего чужеземного и т. д. и т. п. Главным выразителем этих антигетевских настроений был Иоганн-Фридрих-Вильгельм Пусткухен-Глянцов (1793—1834), против которого и направлено большинство эпиграмм Маркса. Лютеранский пастор Пусткухен был очень продуктивным писателем, опубликовавшим множество давным-давно забытых работ педагогического, богословского, беллетристического и исторического характера. Самой большой известностью пользовался в свое время его пародии на роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Гете. За период 1821—1828 гг. он выпустил пять частей своего Анти-Гете «Wilhelm Meisters Wanderjahre»³ и два приложения к ним, являющиеся самостоятельными книгами⁴. За этими пародиями, вызвавшими сенсацию своими резкими нападками на все прогрессивное в творчестве и мировоззрении Гете, возводившими на великого писателя обвинения в богоульстве, аморализме, «отрицании духа» и т. п., последовал целый ряд подражаний в том же духе, но результатом их явилась и большая полемическая литература. «Это произведение,—пишет проф. Людвиг Гейгер,—было встречено большим одобрением со многих сторон... Произведение это однако важно не по своей художественной ценности, но как свидетельство глубоко укоренившейся в консервативно-позитивных кругах антипатии к Гете, нашедшей здесь свое выражение»⁵. Как образец характера и «стиля» выска-

званных Пусткухена о Гете приведем его подытоживающую оценку из «Wilhelm Meisters Tagebuch». Обвиняя Гете в том, что он ни немец, ни грек, Пусткухен пишет: «Это пристрастие к чужеземному, это отвращение к религии, эта нравоучительная слабость и противонаравственные вольности, эти художественные формуляры, эти модные переходы вкуса от чахоточной сентиментальности в Вертере (Клавиво) к шутовской естественности в Геце, условным парижским манерам в Gross Kophta, веймарской античности в Ифигении, проперциевской чувственности в элегиях, нравоучительной двусмысленности в Эгмонте, Побочной дочери, придворной иронии над мещанской жизнью в Германе и Доротее, натурфилософскому дилетантизму в Сродстве душ и т. д.—все это делает Гете исключительно символом партии прошлого столетия и как подобный символ он заслуживает ее защиты и внимания».

Если Пусткухен стал знаменосцем похода против Гете консервативно-позитивских, мещанских и вообще реакционных кругов, то его книги, повторяем, вызвали не мало полемических выступлений и в защиту Гете. Сам Гете жестоко высмеял Пусткухена в ряде ксений; из работ крупных писателей того времени, давших резкую отповедь «фальшивому Гете», т. е. Пусткухену, можно отметить две статьи Грильпарцера, новеллы Тика, работы Иммермана и Варнгагена фон Энзе. Особое возмущение нападки Пусткухена вызвали в берлинских либерально-буржуазных литературных кружках, в которых царствовал культ Гете (Варнгаген и Рахиль фон Энзе). Молодой студент Маркс, приехавши в Берлин, ознакомился повидимому с книгами Пусткухена в связи с все еще продолжавшейся тогда полемикой и написал под ее влиянием помещаемые ниже эпиграммы. Они не имеют особой художественной ценности, но все же являются небезынтересным документом для биографии и развития мировоззрения молодого Маркса, когда он критиковал реакцию и мещанскую пошлость еще с высот немецкой классической литературы.

Эпиграммы публикуются в переводе О. Румера.

Ф. Шиллер

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Marx-Engels, Gesamtausgabe, I Abt., 1 Bd., 2 Halbband, Berlin 1929, S. 43—45. Русский перевод этих стихов и набросков драмы и романа будет опубликован в одном из ближайших номеров «Литературного Наследства».—Р е д.

² Название наброска романа.

³ «Wilhelm Meisters Wanderjahre». Quedlinburg und Leipzig, Gottfried Basse, 1821—1822.

⁴ «Wilhelm Meisters Tagebuch». Ibid., 1822; u. Gedanken einer frommen Gräfin. Vom Verfasser der Wanderjahre. Ibid., 1822.

⁵ Prof. Dr. Ludwig Geiger, Goethe und Pustkuchen. 2 Aufl. Berlin, 1914, S. 43.

[ЭПИГРАММЫ]

* * *

А Гете любит красоту сверх меры:
Ему милее черни лик Венеры;
Хоть образы из жизни он берет,
Он их возносит до таких высот,
Что все они, их все переживанья
Душевные теряют содержанье.

Нам с Шиллером уж больше по пути:
По крайней мере, у него найти
Мы можем в строчки влитые идеи,
Понять их смысла, правда, не умея.

ПУСТКУХЕН

1

Поэтом Шиллер был бы хоть куда;
Знал Библию он плохо,—вот беда!

В своем он «Колоколе» к сожаленью
 Не посвятил ни строчки вознесенью;
 А в драме «Валленштейн»—ведь вот обиди!—
 Ни слова нет о подвигах Давида.

2

Для женщин Гете—мерзости сосуд:
 Что для себя старушки в нем найдут?
 Глаза его в природу проникали —
 Увы! — без помощи очков морали;
 Ему бы катехизис изучать,
 Чтобы в стихи его перелagать!
 Прекрасного у Гете, правда, много,
 Но нет признания: «Оно от бога».

3

За что возносят Гете до небес?
 Кто радуется этому? Лишь бес.
 Он проповеди дал ли что церковной?
 Нет, низменен был строй его духовный.
 В нем нет ядра, в нем все один обман;
 Чему он мог бы научить крестьян?
 Печати гения лишен он без сомненья:
 Он не был тверд в таблице умноженья.

4

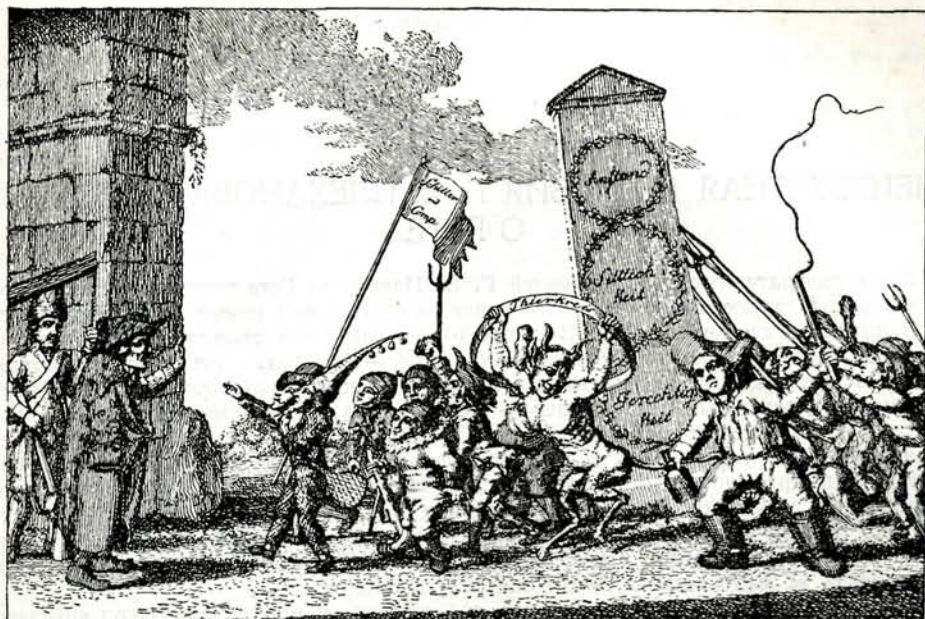
В действительности Фауст повесой был;
 Его историю нам Гете извратил.
 Распутством мерзким и игрой картежной
 Вогнав себя в долги, сей муж безбожный
 На господа надежду потерял
 И гибели скорейшей возалкал.
 Тогда, предвидя злые муки ада,
 Решил он, что умом раскинуть надо:
 В чем нашей жизни смысл, что смерть сулит,
 Что человеку знание дарит,—
 И наболтал с три короба об этом
 В туманных фразах, свойственных поэтам.
 Что ж, разве Гете показать не мог,
 Как беспощаден с должниками рок,
 Как жизнь людей, лишившихся кредита,
 Безжалостно и навсегда разбита?

5

Фауст смеет размышлять в пасхальный день,—
 И Сатане возиться с ним не лень?
 Ведь все равно: кто в Пасху размышляет,
 Себя на муки ада обрекает.

6

К тому же правдоподобья в драме нет:
 Ужель полиция спала б так долго?
 В тюрьму попасть давно бы Фаусту след:
 Ведь он удрал, не уплативши долга.

„Борьба Ксений“

Современная реакционная карикатура на Гете и Шиллера

На рисунке изображены ворота города Иены, охраняемые часовым и привратником. В ворота стремятся проникнуть Ксении, изображенные в виде сброда беснующихся, вульгарных, одетых в лохмотья существ, предводительствуемых гансвурстом. На знамени, которое несет гансвурст, написано: „Шиллер и его компания“. В центре толпы—Гете в образе сатира. Он держит над собой обруч с надписью „круг зверей“ (Thierkreis—серия эпиграмм в „Ксениях“, вызвавших наибольшие нападки). Рядом—Шиллер в неуклюжих сапогах со шпорами; в одной руке у него кнут, которым он замахнулся, чтобы ударить, другой он ухватился за хвост Гете-сатира, держа в то же время фляжку с вином. Толпа Ксений, вооруженная копьями, вилами и дубинами, стремится опрокинуть колонну, на которой начертаны слова: Приличие, Нравственность, Справедливость (в намеренном ниспровержении этих добродетелей упрекались, как известно, „Xenien“ Гете-Шиллера)

7

Кто Фауста хвалит, тот душой не чист:

Ведь сомневался этот атеист,

Что божий мир—прекрасное творенье,

Забыв, какого Моисей был мненья:

Он Гретхен-дурочку влюбил в себя,

И скрыла от него она, любя,

Что будет он в день светопреставленья

Навеки ввергнут в адские мученья.

8

«Душе прекрасной», чтобы нам годиться,

Монахиною надо нарядиться:

«Без господа преуспеянья нет!»—

Так начинает истинный поэт.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЭПИГРАММА НА ПУСТКУХЕНА

Пеки ты пирожки свои и впредь,

Старайся пекарем успех иметь!

А оценить великого поэта

Не можешь ты,—да и понятно это:

Профаном был он в ремесле твоём,—

Недаром гения мы видим в нем.